

ИВЫ

I

Покидая пределы Вены, задолго до Будапешта, Дунай течет по унылым, неприглядным местам, где его воды расходятся в разные стороны, прочь от основного русла, и земля на многие мили превращается в болото, покрытое низкими ивовыми зарослями. На больших картах эта пустынная местность окрашена в блеклый голубой цвет, становящийся все бледнее по мере удаления от берега, и поперек этих участков можно рассмотреть написанное большими буквами слово *Sümpfe*, означающее «болота».

В пору половодья эти огромные просторы песка, гальки и заросших ивами островов почти полностью покрыты водой, но в обычное время года кусты изгибаются и шелестят на легком ветру, подставляя свои серебристые листья солнечному свету — на ошеломительно прекрасной равнине, пребывающей в постоянном движении. Здешние ивы никогда не достигают размеров настоящих деревьев; у них нет крепких стволов; они остаются скромными кустами с округлыми верхушками и мягкими кронами на тонких стеблях, отзывающихся на малейшее дуновение ветра; они изгибаются, словно травы, и постоянно меняются, каким-то образом создавая впечатление, будто вся равнина — живая и полная движения. Ветер вздымает волны, волны листьев сменяются волнами воды; в самом деле, здешние зеленые волны похожи на морские — и такое впечатление держится до тех пор, пока ветви не начнут вздыматься, и когда нижняя часть листы обращается к солнцу, они становятся серебристо-белыми.

Радостно избавившийся от давления суровых берегов, Дунай свободно блуждает здесь среди запутанной сети каналов, пересекающих острова широкими протоками, по которым с шумом льются воды, создавая водовороты, быстрины и пенистые пороги, разрывая песчаные берега, унося комья земли и ивовые заросли, образуя бесчисленные новые острова; их размеры и формы меняются ежедневно, и в самом лучшем случае они наделены непостоянной жизнью, ибо во время наводнения ничто не напоминает об их существовании.

Собственно говоря, замечательный отрезок речной жизни начинается вскоре после Прессбурга, и мы в нашем канадском каноэ, с цыганской палаткой и сковородкой на борту, достигли этих краев на гребне поднимающегося паводка примерно в середине июля. В то же утро, когда небо покраснело перед восходом солнца, мы быстро проскочили через все еще спящую Вену, которая пару часов спустя сделалась облачком дыма на фоне голубых холмов Венервальда на горизонте; позавтракали близ Фишераменда под сенью березовой рощи; затем стремительно пронеслись по течению мимо Орта, Хайнбурга, Петронелла (древнеримского Карнунтума Марка Аврелия) и двинулись дальше под хмурыми высотами Тебена на отроге Карпат, где болото незаметно подкрадывается слева и пересекает границу между Австрией и Венгрией.

Мчась со скоростью двенадцать километров в час, мы вскоре оказались в Венгрии, и мутные воды — верный признак наводнения — выбросили нас на мель среди множества галечных отмелей. Они закрутили лодку, как пробку, в бесчисленных внезапных водоворотах, прежде чем башни Прессбурга (венгерской Пожони) показались на фоне неба; затем каноэ, прыгая, как резвая лошадь, на максимальной скорости промчалось под серыми стенами, благополучно преодолело затонувшую цепь парома «Флигенде Брюкке», резко повернуло налево и погрузилось в желтую

пену в пустыне островов, песчаных отмелей и болот за ними — в стране ив.

Перемена совершилась внезапно: так снимки биоскопа, сделанные на улицах города, без предупреждения сменяются пейзажами с озерами и лесами. Мы влетели, словно на крыльях, во вселенную запустения, и менее чем через полчаса в пределах видимости не осталось ни лодки, ни рыбацкой хижины, ни красной крыши, ни каких-либо признаков человеческого жилья и цивилизации. Чувство отдаленности от людей, полная изоляция, очарование необычного мира ив, ветров и вод мгновенно околдовало нас обоих, так что мы со смехом признались друг другу, что по праву должны были получить какой-то особый паспорт, чтобы проникнуть в здешние места, но вместо этого чересчур дерзко заплыли в эти края, не спрашивая ни у кого разрешения; мы ворвались в маленькое королевство чудес и волшебства — королевство, которое предназначено для других, для тех, кто имеет право сюда явиться; здесь повсюду скрываются неписанные предупреждения для нарушителей границы — предназначенные для тех, кому хватает воображения их обнаружить.

Хотя полдень миновал совсем недавно, непрекращающиеся порывы сильного ветра истомили нас, и мы сразу же начали осматриваться в поисках подходящего места для лагеря. Но причудливые формы островов затрудняли высадку; бурлящий поток вынес нас на берег, а затем снова умчал; ивовые ветви рвали нам руки, когда мы хватались за них, чтобы остановить каноэ, и мы разворотили немало ярдов песчаного берега, прежде чем наконец при сильном боковом ветре влетели в заводь и умудрились вытолкнуть нос лодки на берег, взметнув облако брызг. После этого мы лежали на горячем желтом песке, тяжело дыша и смеясь над собственными усилиями. Мы укрылись от ветра, растянувшись под ярким палящим солнцем. Над головой раскинулось безоблачное голубое небо,

и прямо над нами шелестела огромная армия танцующих ивовых кустов, которые надвигались на нас со всех сторон. Они сверкали от водяных капель и хлопали тысячами маленьких рук, как бы приветствуя успех наших усилий.

— Что за река! — сказал я своему спутнику, думая о пути, который мы проделали от источника в Шварцвальде, и о том, как часто приходилось переходить вброд и проталкиваться по верхним отмелям в начале июня.

— Теперь мы не потерпим никаких глупостей, не так ли? — отозвался он, подтягивая каноэ по песку немного дальше, к безопасному месту, а затем устраиваясь, чтобы вздремнуть.

Я лежал рядом с ним, счастливый и умиротворенный, купаясь в четырех стихиях — воде, ветре, песке и великом огне солнца, — и думая о долгом путешествии, которое осталось позади, и о большом отрезке пути до Черного моря, и о том, как мне повезло, что у меня настолько восхитительный и очаровательный попугайчик, мой друг Швед.

Вместе мы совершили немало подобных путешествий, но Дунай с самого начала поразил нас своей живостью — поразил сильнее всех прочих рек, которые я повидал. С момента своего явления на свет в крошечной впадине среди сосновых садов Донауэшингена и до этого момента, когда он начал играть в великую речную игру, затерявшись среди пустынных болот, незаметный и необузданный, нам постоянно чудилось, что мы следим за ростом какого-то живого существа. Сначала Дунай казался сонным, но позже, когда он осознал все свое величие, пробудились и его неистовые желания; он прокатился, словно огромное текучее существо, по всем странам, которые мы миновали, держа наше маленькое суденышко на своих могучих плечах, иногда грубо играя с нами, но всегда оставаясь благодушным, пока наконец мы не пришли к тому, что открыли в нем Великую Личность.

Да и могло ли быть иначе, если Дунай так много поведал нам о своей тайной жизни? Ночью, лежа в палатке, мы слышали, как он поет песни Луне, издавая странные свистящие звуки, свойственные лишь ему одному и, как говорят, порожденные быстрым боем мелких камней вдоль речного русла, настолько велика скорость стремительного потока. Мы также узнали голос его булькающих водоворотов, внезапно вскипающих на поверхности, прежде совершенно спокойной; рев его отмелей и стремительных порогов; постоянный ровный грохот, заглушающий все простые звуки на поверхности; и еще — непрерывное биение его ледяных вод о берега. Как он вздымался и кричал, когда дождь падал на его лик! И как громко разносился его смех, когда ветер дул вверх по течению и пытался остановить его ускоряющийся бег! Мы извели все его звуки и голоса, мы знали его плеск и пену, его ненужные удары об опоры мостов; этот смущенный шепот, когда вокруг вставали холмы; напускное достоинство возвышенных речей, когда он миновал маленькие городки, слишком важные и неспособные как следует посмеяться; и все эти слабые, сладкие шепотки, когда солнце ловило его на каком-нибудь медленном изгибе и ослепляло своим сиянием, пока над водой не начинал подниматься пар.

В начале своей жизни, еще до того, как о нем узнал большой мир, Дунай тоже совершал разные фокусы. В верховьях среди швабских лесов, когда до него еще не дошли первые слухи о грядущей судьбе, он предпочитал скрываться в дырах в земле, чтобы снова появиться на другой стороне пористых известняковых холмов и дать начало новой реке с иным названием; подчас он оставлял в собственном русле так мало воды, что нам приходилось вылезать из лодки, идти вброд и толкать каноэ по отмелям!

А главное удовольствие в те ранние дни его беззаботной юности было затаиться незадолго до того, как к нему

присоединятся маленькие бурные притоки из Альп, и не признавать их, но бежать на многие мили с ними бок о бок, сохраняя заметную разделительную линию и оставаясь на разных уровнях, — так Дунай отказывался признавать пришельцев. Ниже Пассау, однако, он отказался от подобного фокуса, потому что там новый поток мчится с громоподобной силой, которую невозможно не заметить, и так толкает и теснит главную реку, что для вод едва остается место в длинном извилистом ущелье, и Дунай отклоняется от скал то в одну, то в другую сторону; ему приходится спешить, справляясь с большими волнами, и метаться туда-сюда. И во время этого боя наше каноэ соскользнуло с его плеча на грудь и провело лучшее время своей жизни среди борющихся волн. Но Инн преподал старой реке урок, и после Пассау она больше не притворялась, будто не замечает вновь прибывших.

Конечно, с тех пор миновало немало дней, и мы узнали другие свойства этого великого существа. По баварской пшеничной равнине Штраубинга река ползла так медленно под палящим июньским солнцем, что мы могли вообразить, будто вода покрывает лишь несколько дюймов поверхности, в то время как в глубине двигались, скрытые, словно под шелковой мантией, армии ундин, тихо и незаметно пробирающихся к морю, плывущих очень неспешно, чтобы их не обнаружили.

Мы также многое прощали Дунаю из-за его дружелюбия к птицам и животным, обитавшим на берегах потока. Бакланы выстраивались в уединенных местах рядами, похожими на низкие черные частоколы; серые вороны толпились на галечных отмелях; аисты ловили рыбу в мелкой воде между островами, а ястребы, лебеди и болотные птицы самых разных видов наполняли воздух сверканием крыльев и громкими, раздраженными криками. Невозможно было злиться из-за капризов реки, если увидишь, как олень с плеском прыгает в воду на расвете и проплывает мимо носа каноэ; часто мы замечали

олений, выглядывающих на нас из подлеска, или заглядывали прямо в их карие глаза, когда на полном ходу делали поворот и оказывались на другом участке реки. Лисы тоже бродили по берегам, то и дело натыкаясь на коряги и исчезая так внезапно, что невозможно было понять, как им это удавалось.

Но теперь, после отъезда из Прессбурга, все немного изменилось, и положение стало более серьезным. Наш поход уже не казался пустяковым. Мы находились на полпути к Черному морю. Казалось, мы едва ли не улавливали запахи других, неведомых мест, где не дозволялись и не принимались никакие фокусы. Внезапно Дунай сделался взрослым, завоевал наше уважение и даже вызвал благоговейный трепет. Для начала — река разделилась на три рукава, которые вновь встречаются только в сотне километров ниже по течению, и наше каноэ не получило никаких указаний, какой из путей следует выбрать.

— Если пойдете по боковому каналу, — сказал венгерский офицер, которого мы встретили в Прессбурге, в лавке, где покупали провизию, — то, когда наводнение спадет, окажетесь в сорока милях от любого жилья, в сухом и высоком месте; тогда вы можете просто умереть с голоду. Здесь нет ни людей, ни ферм, ни рыбаков. Советую вам остановиться. Река все еще поднимается, и ветер будет только усиливаться.

Половодье несколько нас не встревожило, но опасность застрять в сухом и высоком месте из-за внезапного спада воды могла быть очень серьезной, и поэтому мы запаслись изрядным количеством провизии. В остальном же пророчество офицера сбылось, и ветер, дувший с совершенно чистого неба, неуклонно усиливался, пока не достиг могущества западного шторма.

Мы разбили лагерь раньше обычного, так как солнце уже час или два назад поднялось над горизонтом. Оставив друга по-прежнему спящим на горячем песке, я побродил вокруг, осматривая наше пристанище. Остров, как

я обнаружил, был меньше акра в длину — простая песчаная отмель, возвышающаяся примерно на два или три фута над уровнем реки. Дальний край отмели, обращенный к закату, захлестывали потоки воды, которые сильный ветер срывал с гребней разбитых волн. Остров был треугольной формы; вершина треугольника располагалась вверх по течению.

Я простоял там несколько минут, наблюдая, как стремительный багровый поток с оглушительным ревом несется вниз, набегаая волнами на берег, словно желая сместь его целиком, а затем двумя пенистыми водоворотами проносится мимо с обеих сторон. Земля, казалось, сотрясалась от толчков и порывов, в то время как резкие движения ивовых кустов, когда на них налетал ветер, усиливали странное иллюзорное ощущение — чудилось, сам остров и впрямь оживал. Я мог видеть великую реку, которая опускалась прямо на меня; я как будто смотрел на склон холма, белый от пены и мечущийся из стороны в сторону, чтобы открыть себя солнцу.

Остальная часть острова слишком густо заросла ивами, чтобы можно было устроить приятную прогулку, но, тем не менее, я рискнул и совершил вылазку. С нижнего конца освещение, конечно, выглядело совершенно иначе, и река казалась темной и сердитой. Были видны только спины летящих волн, покрытые полосами пены и рвущиеся под порывами ветра. На протяжении мили поток то появлялся, то исчезал среди островов, а затем делал широкий поворот и скрывался среди ив, которые смыкались вокруг него, как стадо чудовищных допотопных существ, толпящихся на водопое. Они навели меня на мысль о гигантских губкообразных наростах, которые всасывали в себя реку. Они заставили Дунай исчезнуть. Они собирались вместе в таком подавляющем количестве...

Картина была впечатляющей: она выражала абсолютное одиночество и таила в себе странные намеки; и когда

я долго и с любопытством разглядывал пейзаж, где-то в глубине моей души пробудилось необычное чувство. На полпути к восторгу, порожденному этой дикой красотой, возникло странное предощущение беспокойства, даже тревоги, непрошеное и необъяснимое.

Поднимающаяся река, возможно, всегда наводит на мысль о чем-то зловещем: многие из маленьких островов, которые я видел впереди, вероятно, к утру исчезнут по воле могучего движения воды; этот неудержимый, грохочущий поток вызывал благоговейные чувства. И все же я отдавал себе отчет в том, что мое беспокойство гораздо глубже простого благоговения или удивления. Я испытывал нечто совершенно иное. И это не имело прямого отношения к силе пронизывающего ветра — ревущего урагана, который мог почти поднять в воздух обширные заросли ив и развезть их, как мякину. Ветер просто наслаждался собой, потому что ничто не возносилось над плоским ландшафтом и не пыталось остановить его, и я сознавал, что принимаю его великую игру с каким-то почти радостным волнением. И все же то новое чувство не имело ничего общего и с ветром. Страдание, которое я испытывал, было настолько смутным, что я никак не мог отыскать его источник и преодолеть его, как следовало бы; однако каким-то образом я осознавал, что ощущение это связано с осознанием нашей полной ничтожности перед необузданной мощью окружающих нас стихий. Огромная река тоже имела ко всему этому отношение — она несла смутную, неприятную мысль о том, что мы неким неосознаваемым способом начали поединки с великими стихийными силами, во власти которых остаемся беспомощными всякий час дня и ночи. Ибо здесь они и впрямь играли в величественную игру, и открывающееся зрелище поражало воображение.

Насколько я мог понять собственные чувства, более всего они были вызваны ивовыми кустами, и меня невольно тянуло к этим бесконечным акрам ив, которые,

теснясь, густо росли повсюду, где мог разглядеть их глаз, давили на реку, как будто хотели задушить ее, стояли плотным строем, миля за милей, под небесным сводом — наблюдая, ожидая, прислушиваясь. И дело было не только в буйстве стихий: сами ивы влияли на мое состояние, каким-то образом коварно проникая в глубины разума, подавляя своим великим множеством и тем или иным образом намекая на присутствие новой могущественной силы — силы, не вполне дружественной нам.

Несомненно, великие откровения природы всегда производят сильнейшее впечатление, и в подобных испытаниях я не был новичком. Горы внушают непреодолимый трепет, а океаны наводят ужас, в то время как тайна великих лесов обладает особым колдовством. Но все это так или иначе тесно связано с человеческой жизнью и человеческим опытом. Природа вызывает понятные, хотя подчас и тревожные эмоции. В целом их можно назвать возвышенными.

С нынешним же множеством ив дело обстояло совершенно иначе, и я остро ощущал это. В них скрывалась некая сущность, от присутствия которой сжималось сердце. Правда, во мне проснулось и чувство благоговения, но благоговения, смешанного со смутным ужасом. Сомкнутые ряды деревьев все плотнее окружали меня по мере того, как спускались тени; яростно и вместе с тем плавно деревья двигались на ветру, пробуждая во мне странное и нежеланное предположение, что мы вторглись на границы чужого мира, мира, где были незваными гостями, мира, где нас не хотели видеть и не приглашали остаться; и где мы, возможно, подвергались серьезному риску!

Хотя это ощущение и не поддавалось логическому анализу, в то же время оно не беспокоило меня и не казалось угрожающим. И все же оно ни на миг не покидало меня окончательно, даже во время самых обыденных занятий — установки палатки при ураганном ветре